УДК 82.0:801.6; 821.161.1

DOI 10.23951/1609-624X-2017-2-82-86

ОБРАЗ ЖЕНЫ ДЕКАБРИСТА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ И АВТОДОКУМЕНТАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ XIX ВЕКА (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА А. ДЮМА «УЧИТЕЛЬ ФЕХТОВАНИЯ» И «ВОСПОМИНАНИЙ» П. АННЕНКОВОЙ)

С. В. Бурмистрова

Московская православная духовная академия, Сергиев Посад, Московская область

На материале романа А. Дюма «Учитель фехтования» и мемуаров П. Анненковой рассматривается семантика образа жены декабриста и специфика его функционирования в художественном и автодокументальном дискурсе второй половины XIX в. Методология исследования включает также имагологический аспект: сопоставляются варианты русской и французской рецепции декабристской культуры и образа жены декабриста. В отечественной словесности содержание концепта «жена декабриста» определяется преимущественно духовно-нравственными характеристиками: жертвенная любовь, преданность, верность, терпение, мужество. Этические маркеры данного женского образа генетически связаны, с одной стороны, с автодокументальной традицией описания жены, разделившей участь «опального» (чаще всего сосланного в Сибирь) супруга, а с другой – восходят к каноническому типу праведной жены, характерному для агиографического жанра. В романе А. Дюма «Учитель фехтования» возлюбленная декабриста И. Анненкова изображается исключительно в сфере любви и любовного сюжета, а хронотоп романа ограничивается пространством интимной, любовно-приключенческой истории. При этом любовь героини интерпретируется рассказчиком лишь как проявление сильной женской страсти и не связана с духовно-нравственными категориями долга, жертвы и др. Образ героини в романе Дюма существенно отличается как от своего прототипа (П. Анненковой), так и от представленного в русской декабристской словесности героического типа женской личности.

Ключевые слова: декабризм, автодокументальная литература, рецепция, диалог культур, поэтика, имагология, образ жены декабриста, дискурс, исторический роман.

Рецептивная парадигма о декабризме, сложившаяся в отечественной культуре XIX в., имеет неоднозначный характер и отличается стремительной эволюцией. Так, на протяжении 1830–40-х гг. сформировалось и утвердилось две основные версии трактовки происшедших событий и их участников. Большая часть общественности разделяла сочувствующее отношение к декабристам, а их выступление 14 декабря воспринимала если и не как подвиг, то как акт гражданского мужества. Позитивное отношение к декабризму не есть случайность, но вполне закономерный итог интенсивной деятельности различных литературных кружков и политических организаций, которые на протяжении 1810–20-х гг. в контексте общих тенденций, связанных с ростом национального самосознания, не только разрабатывали программы государственного реформирования, но и внедряли новый тип культуры и личности, собственные «поведенческие тексты» [1, с. 34]. «Программные формулировки „Союза спасения“ обнаруживают в своей основе тесную связь с этическими принципами христианства и масонства» [2, с. 27]. Специальный пункт «Зеленой книги» предписывал: «Не расточать попусту время в мнимых удовольствиях большого света, но досуги от исполнения обязанностей посвящать полезным занятиям или беседам людей благомыслящих» [3, с. 567]. «В качестве ведущей

характеристики декабристского мироощущения можно рассматривать ориентацию на библейский дискурс, что подтверждается письменными свидетельствами (автодокументальными и художественными текстами декабристов), а также анализом фактов, относящихся к сфере повседневного общения ссыльных поселенцев. Нередким в декабристской среде было сравнение участников восстания с апостолами» [2, с. 27]. Интересно отметить, что сочувствие к декабристам выражала не только образованная элита, но и простой народ. Так, в «Воспоминаниях» П. Анненковой есть эпизод, описывающий ее случайную встречу с крестьянином, который, узнав, что она собирается отправиться в сибирскую ссылку вслед за своим возлюбленным И. А. Анненковым, поклонился ей «низко, касаясь пола своей дряхлой рукой» и сказал: «Дело, матушка! Господь сохрани тебя... ведь господа-то хотели свободы нашей, свободы крестьян» [4, с. 124–125].

Таким образом, значительная часть российского общества изначально не разделяла официальную точку зрения правительства, осудившего вооруженное восстание и принявшего строгие меры наказания к его участникам. Однако довольно скоро отношение власти к декабризму меняется: с середины столетия начинается процесс реабилитации декабристов и отчасти декабризма. Ссылные воз-

вращаются из Сибири, многие из них получают высокие административные должности, связанные, в том числе, с разработкой и внедрением проектов реформирования общества. По сути, бывшие участники политических объединений получили возможность легитимно претворить в действительность те идеи, о которых «тайно» рассуждали в 1820-х гг. [5, с. 32]. Во второй половине XIX в. власть демонстрирует лояльное отношение к начавшимся в обществе процессам героизации декабризма. В ряде городов, бывших местом заключения для декабристов (Тобольск, Ялуторовск и др.), создаются мемориальные центры, воздвигаются памятники. Так, в 1891 г. в Хабаровске состоялось торжественное открытие монумента Н. Муравьеву-Амурскому, на котором присутствовал наследник престола Николай Александрович.

В матрице декабристской культуры наряду с образом декабриста важное место занимает образ его жены, добровольно разделившей все невзгоды сибирской ссылки. При этом если семиотическое поле образа декабриста имеет в отечественной культуре полисемантический и эволюционирующий характер, то понятие «жена декабриста» отличается максимальной стабильностью. Начиная с середины XIX в. образ жены декабриста интенсивно разрабатывается в художественной и автодокументальной словесности. В этой связи интерес представляет личность П. Анненковой (урожденной П. Гебль), образ которой послужил источником для создания эстетического дискурса о жене декабриста. П. Анненкова запечатлена в романе А. Дюма «Учитель фехтования», в опере А. Шапорина «Декабристы», которая в первой редакции имела название «Полина Гебль», в «Записках» М. Волконской, в «Дневнике писателя» за 1873 г. Ф. Достоевского, в фильме В. Мотыля «Звезда пленительного счастья», наконец, в «Воспоминаниях» самой Анненковой.

В обозначенном корпусе произведений следует выделить роман А. Дюма «Учитель фехтования» (1840), который стал одним из мотивов, побудивших Анненкову обратиться к созданию собственного автодокументального текста. Анненкова восприняла этот роман как «клевету», о чем свидетельствует эпистолярный ее современников, в частности письмо И. И. Пущина к И. Д. Якушкину [6, с. 145]. По словам самой мемуаристки, в этом романе «больше вымысла, чем истины» [4, с. 64].

Вымысел и неправда, выявленные Анненковой в романе Дюма, возникли не только как следствие перевода жизненного (исторического) материала на язык художественной реальности, но и как результат представлений Дюма о России и русской ментальности. Дюма создавал свой исторический роман о русской истории и декабристах задолго до

своего непосредственного знакомства с Россией, которое состоялось в 1858 г. Сведения о «стране гипербореев» Дюма черпал из разных источников: исторических трудов Карамзина и Вольтера, путевых записок своих соотечественников, исторических анекдотов. В «Учителе фехтования» образ России имеет шаблонный и мифологизированный характер и определяется сознанием героя-повествователя, француза Гризье, и шире – французского читателя, которому учитель фехтования адресует свои записки. Дюма стремится заинтересовать читателя описанием традиций и культуры страны, столь несхожей с цивилизованным европейским миром. Поэтому основная нарративная стратегия романа связана с сопоставлением своего и чужого, русского и французского. Усилению мифологической составляющей образа России способствовала также поэтика исторической беллетристики А. Дюма, обусловленная «горизонтом ожидания» массового читателя и форматом формирующегося во французской литературе 1830–40-х гг. жанра романа-фельетона. Поэтому поэтологическими атрибутами «Учителя фехтования» становятся мифологизированное пространство (бескрайние российские просторы, холод, волки), увлекательный и динамичный сюжет с акцентом на любовных коллизиях, обилие диалогов и др.

Весьма условный историко-этнографический материал выполняет в романе функцию фона, на котором представлена история взаимоотношений главных героев, оказавшихся вовлеченными в круговорот больших политических событий. Доминирование любовно-приключенческого сюжета отменяет для автора необходимость сосредоточиваться на исторических фактах и стремиться к их объективной интерпретации. Представленная в романе Дюма художественная версия судьбы супругов Анненковых отличается авторской субъективностью и подчиняется логике литературных и социокультурных стереотипов. Так, образ декабриста Анненкова соотносится с образом романтического героя-аналитика, «лишнего человека». Дюма объясняет его участие в деятельности Тайного общества и в восстании на Сенатской площади двумя причинами: скукой, обусловленной бездейственным существованием мыслящего человека в России, и любовными переживаниями, связанными с невозможностью добиться ответного чувства от любимой женщины.

В отличие от статичного образа декабриста Анненкова образ его возлюбленной – Луизы получает в романе неоднозначную интерпретацию: представление о ней рассказчика складывается постепенно и меняется по мере развития сюжета. Первоначально рассказчик пытается составить мнение о соотечественнице, опираясь на личный интимный

опыт общения, который одновременно отражает распространенные во Франции стереотипные представления о любви и женщине. Кроме того, невысокое происхождение Луизы и отсутствие строгих моральных правил в семье (сестра героини стала содержанкой) позволили ему сформировать не совсем лестное представление о молодой девушке. Так, при первой встрече он воспринимает ее как типичную гризетку и готов завести с ней любовные отношения. «Передо мною была обыкновенная парижская гризетка, которая по воскресеньям ходила, вероятно, танцевать в „Прадо“» [7, с. 19]. Однако отметив благородные черты во внешности Луизы, которые контрастировали с типичным образом гризетки, он начинает сомневаться в своих предположениях: «Я был хорошо знаком с представительницами того почтенного класса, к которому она принадлежала, но не находил в ней ничего, что напоминало бы о ее низком происхождении и об отсутствии у нее должного воспитания. Перемена была настолько разительна, что при виде этой красивой женщины, причесанной на английский манер, ее простого белого пеньюара и крошечных турецких туфелек, при виде, наконец, ее грациозной позы, словно нарочно выбранной художником, чтобы писать ее портрет, я смело мог вообразить себя в будуаре какой-нибудь элегантной аристократки из Сен-Жерменского предместья» [7, с. 22].

По мере приобщения рассказчика к событиям жизни Луизы она предстает для него в новом свете: как героическая натура, способная к глубокому чувству и самопожертвованию. Однако несмотря на сопричастность героини к политическим событиям русской истории, она изображается исключительно в сфере любви и любовного сюжета, а хромотоп романа ограничивается пространством интимной истории. При этом любовь Луизы интерпретируется рассказчиком лишь как проявление сильной женской страсти и не связана с духовно-нравственными категориями долга, жертвы и др. Образ героини в романе Дюма существенно отличается от своего прототипа (П. Анненковой) и от представленного в русской литературе героического типа женской личности.

В 1860-е гг. во время работы Анненковой над мемуарами в отечественной культуре функционировало устойчивое представление о жене декабриста. Семантику образа «декабристки» составляли прежде всего духовно-нравственные характеристики, такие как жертвенная любовь, преданность и верность, терпение и даже мужество. Этические маркеры данного женского типа генетически связаны, с одной стороны, с автодокументальной традицией описания жены, разделившей участь «опального» (чаще всего сосланного в Сибирь) супруга,

а с другой – восходят к каноническому образу праведной жены, характерному для агиографического жанра. Представленные в автодокументальной литературе 18 столетия женские персонажи изображаются в качестве верных сподвижниц мужа, со смирением несущих тяжелый крест изгнания; этапы их жизненного пути воплощают модель духовного становления, путь мученичества. Одним из первых автодокументальных сочинений, которые запечатлели добровольный подвиг женщины, разделившей с супругом участь сибирской ссылки, стали «Записки» княгини Н. Б. Долгоруковой (1767). В этом тексте модель самоописания также ориентирована на «житийный канон» [8, с. 244], т. е. автогероиня наделяется христианскими добродетелями (супружеского единомыслия, верности, смирения, жертвенной любви, почитания супруга как наставника и главы семьи, всецелого ему послушания), а следование за мужем в Сибирь рассматривается в контексте мотива мученического подвига служения ближнему, предполагающего самозабвение, отказ от своей воли [9, с. 185].

Одна из первых попыток художественной интерпретации образа жены политического изгнанника представлена в поэме К. Ф. Рылеева «Войнаровский». Несмотря на то что женский персонаж изображается в тексте как фоновый, характеристике которого посвящено лишь несколько строк, тем не менее он отличается новым содержанием, связанным с расширением представлений о женском предназначении. Рылеев изображает женскую личность как причастную не только семейному, но и высокому гражданскому служению: «она могла, она умела супругой и гражданкой быть» [10, с. 109]. Наиболее полное художественное выражение собственно образ декабристки, осмысленный в нравственно-гражданском аспекте, получил в поэме Некрасова «Русские женщины» (1871–1873).

Образ автогероини в мемуарах Анненковой вписывается в представленную в русской словесности типологию героического женского характера. Траектория судьбы автогероини осмысливается в контексте христианской категории Божественного провидения, который помогает правильно осмыслить жизненные обстоятельства, случайности и закономерности. Второй вектор задан стремлением автора обозначить этапы своего жизненного пути, запечатлеть стадии развития собственной личности, определить путь как процесс духовного становления. Представленная в «Воспоминаниях» модель жизненного пути автогероини, включающая повествование о ее географических перемещениях и духовном развитии, позволяет заключить, что мироощущению автора присуща ключевая для христианства идея о земном существовании чело-

века как движению к Богу, как нравственным подвигом, сопряженным с преодолением препятствий, необходимостью самопожертвования и глубокой веры. Кроме того, мемуаристка использует в процессе самоописания характерную для декабристской авторефлексии идею миссионерства. Сосланные декабристы осознавали себя в роли посланни-

ков, призванных к духовно-нравственному просвещению Сибири. Миссионерскую функцию выполняет также и автогероиня, причем не только в приватном пространстве, являясь духовной опорой для мужа и хранительницей домашнего очага, но и в обществе, приобщая сибирских жителей к эстетической сфере.

Список литературы

1. Лотман Ю. М. Декабрист в повседневной жизни // Литературное наследие декабристов: сб. / под ред. В. Г. Базанова и В. Э. Вацура. Ленинград: Наука, 1975. С. 25–74.
2. Бурмистрова С. В. Рецепция «апостольского текста» в «Воспоминаниях» П. Е. Анненковой // Сибирский филологический журнал. 2016. № 1. С. 23–35.
3. Пыпин А. Н. Общественное движение в России при Александре I. СПб., 1908. 638 с.
4. Анненкова П. Е. Воспоминания. Красноярск: Красноярское кн. изд-во, 1977. 348 с.
5. Юшковский В. Д. «Отсутствие божества есть погибель»: религиозное сознание декабристов и восприятие церкви: к вопросу о развитии взглядов // Наследие декабристов – развитию Сибири. Ялуторовск: Тюменский изд. дом, 2007. С. 30–40.
6. Пущин И. И. Записки о Пушкине. Письма. М.: Гиз, 1927. 289 с.
7. Дюма А. Учитель фехтования. М.: Мир книги. Литература, 2007. 384 с.
8. Савкина И. Л. «Пишу себя...». Автодокументальные женские тексты в русской литературе первой половины XIX века. Тампере: Wilhelmshorst, 2001. 458 с.
9. Елизаветина Г. Г. Русский и западноевропейский классицизм. Проза. М.: Наука, 1982. С. 243–250.
10. Рылеев К. Ф. Войнаровский // Русская романтическая поэма. М.: Правда, 1985. 238 с.

Бурмистрова Светлана Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, Московская православная духовная академия (Троице-Сергиева лавра, Сергиев Посад, Московская область, Россия, 141300). E-mail: t-svet2007@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 21.11.2016

DOI 10.23951/1609-624X-2017-2-82-86

IMAGE OF DECEMBRIST'S WIFE IN ARTISTIC AND AUTODOCUMENTARY DISCOURSE OF XIX CENTURY (ON THE MATERIAL OF THE NOVEL BY A. DUMA "TEACHER OF FENCING" AND "MEMORIALS" OF P. ANNENKOVA)

S. V. Burmistrova

Moscow Orthodox Theological Academy, Sergiev Posad, Russian Federation

On the material of the novel "Teacher of fencing" by A. Duma and memoirs of P. Annenkova the author examines the semantics of the image of the decembrist's wife expressed in the culture of the second half of the 19th century. The specificity of functioning of this type of woman personality comes to light in artistic and autodocumentary discourse. In addition, the analysis is carried out in a comparative aspect: the variants of the Russian and French reception of the decembrist culture and the image of decembrist's wife are compared. In Russian literature maintenance of the concept of decembrist's wife is based on spiritually-moral descriptions: obligatory love, devotion, loyalty, patience, courage. The ethical markers of this woman type are genetically related, on the one hand, to autodocumental tradition of description of a wife, sharing the fate of the "disgraced" (often exiled to Siberia) spouse; and on the other hand, ascend to canonical character of a righteous wife, characteristic of the hagiographic genre. In the novel of A. Duma the beloved of the decembrist I. Annenkov is represented exceptionally in the field of love and love plot, and the chronotop of the novel is limited to the space of intimate history. Thus, the love of the character is interpreted by the teller only as a display of a strong woman passion and is not connected with the spiritually-moral categories of debt, sacrifice, etc. The image of the woman character in the Duma's novel substantially differs from its prototype (P. Annenkova) and from the heroic type of woman personality presented in the Russian literature.

Key words: *dekabrizm, autodocumentary literature, reception, dialogue of cultures, poetics, woman personality, referential, character, discourse, historical novel.*

References

1. Lotman Yu. M. Dekabrist v povsednevnoy zhizni [A decembrist is in everyday life]. *Literaturnoye naslediyе dekabristov: sb.* [Literary heritage of decembrists: collection]. Edited by V. G. Bazanov, V. A. Vatsuro. Leningrad, Nauka Publ., 1975. P. 25–74 (in Russian).

2. Burmistrova S. V. Retseptsiya "apostol'skogo teksta v "Vospominaniyakh" P. E. Annenkovoy [Reception of "apostolic text" is in "Memorials" of P. E. Annenkova]. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal – Siberian Journal of Philology*, no. 1, pp. 23–35 (in Russian).
3. Pipin A. N. *Obshchestvennoye dvizheniye v Rossii pri Aleksandre I* [Social movement in Russia under Alexander I]. St. Petersburg, 1908. 638 p. (in Russian).
4. Annenkova P. Vospominaniya ["Memorials"]. Krasnoyarsk, Krasnoyarskoye knizhnoye izdatel'stvo Publ., 1977. 314 p. (in Russian).
5. Yushkovskiy V. D. "Otsutstviye bozhestva est' pogibel'": religioznoye soznaniye dekabristov i vospriyatiye tserkvi: k voprosu o razvitii vzglyadov ["Absence of deity is ruin": religious consciousness of decembrists and perception of church: to the question about development of views]. *Naslediye dekabristov – razvitiyu Sibiri* [Heritage of decembrists – to development of Siberia]. Yalutorovsk, Tyumen publishing house Publ., 2007. P. 30–40 (in Russian).
6. Pushchin I. I. *Zapiski o Pushkine. Pis'ma* [Messages about Pushkin. Letters]. Moscow, Giz Publ., 1956. 496 p. (in Russian).
7. Duma A. *Uchitel' fekhrovaniya* [The teacher of fencing]. Moscow, Mir knigi. Literatura Publ., 2007. 326 p. (in Russian).
8. Savkina I. L. "Pishu sebya..." *Avtodokumentalnye zhenskiye teksty v russkoy literature pervoy poloviny XIX veka* [I "write myself". Autodocumentary woman texts in Russian literature of the first half of the 19th century]. Tampere, Wilhelmhorst Publ., 2001. 458 p. (in Russian).
9. Elizavetina G. G. *Russkiy i zapadnoevropeyskiy klassitsizm. Proza* [Russian and Westeuropean classicism. Prose]. Moscow, Nauka Publ., 1982. P. 243–250 (in Russian).
10. Ryleev K. F. Voynarovskiy [Voynarovskiy]. *Russkaya romanticheskaya poema* [Russian romantic poem]. Moscow, Pravda Publ., 1985. 238 p. (in Russian).

Burmistrova S. V., Moscow Orthodox Theological Academy (The Trinity-Sergius Lavra, Sergiev Posad, Moscow region, Russian Federation, 141300). E-mail: t-svet2007@yandex.ru